

ЯЗЫКОВЫЕ КОНТАКТЫ И ПРОБЛЕМА РЕКОНСТРУКЦИИ КОНЦЕПТОВ

Формирование одного из важных понятий социальной организации – яркий пример и результат диалога русской культуры с неславянскими (пан, князь, барин/боярин, хозяин и, вероятно, господин/господарь). Собственно русская и церковнославянская по происхождению лексика также отражает разные этапы осмысления понятия хозяин (дедич, домовище, домо-господин, владыка, владелец и др.).

Становление и развитие любой культуры происходит во взаимодействии, диалоге с другими культурами/этнотами. Обычно считается, что приобретение-заимствование «чужого» нечто меняет только в «своем» языке-реципиенте. На самом деле, если на это смотреть не узко лингвистически, а с точки зрения лингвистической культурологии (язык как носитель культурной информации), то оказывается, что любой контакт языков и культур не может проходить бесследно для обоих (всех) участников этой встречи: по причине их неидентичности, из-за ситуации сравнения «своего» и «чужого/другого», осмысления «своего» через «чужое» либо одна сторона «уступает» часть «своего» культурного пространства, а другая «расширяет» «свое», либо происходит (при более тесном и длительном контакте) взаимная «уступка» и «расширение» культурного пространства в соответствующих (разных) зонах контактов. Происходит корректировка национального мировидения участников взаимодействия. Целесообразнее в этих случаях говорить о процессе обмена, характер и значимость которого для его участников чаще всего разные. Поэтому, исследуя результат этноязыкового взаимодействия, следует избегать или понимать значительную условность таких понятий, как *язык дающий* и *язык берущий*, *язык активный* и *язык пассивный* и т.п. На эту сторону исследования этноязыкового взаимодействия обратил внимание В.Н. Топоров, обсуждая оправданность метафоры зеркала при исследовании контактов между разными языковыми и этнокультурными традициями, причем эпиграфом к этому рассуждению были взяты строчки из Георгия Иванова: «Друг друга отражают зеркала, / Взаимно искажая отраженья...» [1. С. 68].

В ситуации диалога культур взаимодействие языков само по себе образует новый слой культуры с новыми особенностями и новыми возможностями. Когнитивным же инструментом, определяющим сам факт гибридизации, ее направление/содержание, выступают семантические сдвиги и переносы, так как семантическая деривация – языковое средство концептуализации и закрепления в когнитивной системе представлений и знаний, социально значимых для культурно-языковой общности.

Обратимся к конкретному языковому материалу и посмотрим на историю формирования такого важного понятия социальной организации, как «хозяин», с точки зрения теории этноязыковых контактов. В современном русском языке слово *хозяин* многозначно:

- 1) собственник, владелец кого-л., чего-л.;
- 2) глава семьи, дома; глава дома по отношению к гостям, посетителям;
- 3) полновластный распорядитель где-л., в каком-л. деле (ср. также *хозяйка*, *хозяйство*, *хозяйничать*).

Можно выделить три параметра, структурирующих понятие «хозяин»:

- 1) наличие собственности;
- 2) особое положение (обязанность заботиться) по отношению к семье, гостям;
- 3) право распоряжаться (в определенных пределах).

В ряду других, сходных по значению, это слово относительно позднее, «молодое»: в современном виде слово *хозяин* известно с XVII в., но без суффикса *-ин* встречается еще раньше, в XV в. (Афанасий Никитин в своем «Хождении...» сообщает, что его среди волжских татар «по-бесермянски» называли уважительно *хозя*). Слово пришло с Востока, из перс. хадже – ‘господин, хозяин, начальник’ – через тюркское языковое посредничество, где в разных языках (ср. каз.-тат. худ-ж’а, башк. хужа, чув. *хо́жа*, *ху́жа* и др.) имело значение ‘владелец’, ‘хозяин’, ‘богатый купец’ (Н.К. Дмитриев обращает внимание на фонетически близкое диалектное (мишарское) татарское *хузэй*) [2. С. 47; 3. Т. II. С. 346]. Из этого же источника и др.-рус. хаджа ‘господин’ [4. Т. IV. С. 254].

В других славянских языках это слово отсутствует, за исключением русского заимствования в болгарском – *хозяин*, *хазаин*. Отмечаем, что ни язык-источник, ни языки-посредники не объясняют наличие у слова *хозяин* соотносительности с таким аспектом понятия, как ‘глава дома по отношению к гостям, посетителям’. Ближайшее по значению слово – *собственник* (образовано на русской почве от прилагательного *собственный*, ср. др.-рус. *собъство* ‘персона’, ‘совокупность личных свойств’ и *собина* ‘собственность’) – корреспондирует только с одним первым значением слова *хозяин* (соответственно только одним аспектом понятия). Это слово имеет более узкий терминологический характер по сравнению с *владелец*, *обладатель*, *владелец*. Доминанта синонимического ряда – *владелец* ‘тот, кто владеет чем-л., обладатель чего-н.’, слово *обладатель* имеет более отвлеченный характер, чем *владелец*; *владелец* – слово книжной речи – ‘правитель государства, области’ (устар.), ‘владелец’. Это однокорневые образования, собственно русские, производные от глагола церковнославянского происхождения – *владеть*, *обладать* (ср. рус. володеть, волость).

Есть в словаре русского языка (СРЯ) ещё группа близких по значению, но отличающихся сферой употребления (литературно-книжный стиль) – *властелин*, *владыка*, *властитель*, *повелитель*, *господин*. Значение этих слов подчеркивает полноту власти тех, кто господствует, правит. Первые три слова производны от глагола *владеть* (ст.-слав. *власти*) и связаны по происхождению с церковнославянской, старославянской средой. Слово *повелитель* впервые отмечено в XVI в. со значением ‘повелитель’ и ‘защитник, попечитель’ (ср. др.-рус. *повелье*, *повеля* ‘повеление, приказание’, XII в.; повелѣти ‘приказать, разрешить’, XI в.).

Все рассмотренные слова этого ряда, за исключением *хозяин*, *господин*, собственно русские или церковнославянские по происхождению и имеют достаточно ясную внутреннюю форму, подтверждаемую и родственной лексикой в других славянских (ср. польск. *właściciel* ‘владелец’; устар. *włodarz* ‘управитель, эконо- ном; сельский староста’; укр. *володар* ; блр. *уладальнік* ‘владелец’, *валадар* ‘владыка’ [3. Т. I. С. 157]) и неславянских языках (ср. литов. *valdyti* ‘править, владеть’, *veldėti* ‘наследовать’, др.-прус. *walduns, welduns* ‘наследник’, гот. *waldan* ‘править’, др.-ирл. *flaith* ‘господство’, др.-кипр. *gualart* ‘глава, повелитель’, лат. *valeo, ēre* ‘быть в силах, сильным’, тохар. *wäl* ‘господствовать’, тохар. В *walo, wlo* ‘государь’ [4. Т. I. С. 340–344]. Появление этих ясных по внутренней форме терминов, вероятно, отразило период формирования в славянских землях самостоятельных княжеских владений (и их владельцев), раннефеодальную эпоху истории славян, эпоху феодальных распрей. Семантика же рассмотренных терминов (‘владеть’, ‘управлять’, ‘приказывать’, ‘повелевать’) отражает проработку, осмысление только двух (из трех) аспектов понятия (повелитель как ‘защитник, попечитель’ – это все же скорее сюзерен).

О слове *хозяин* было сказано выше, а история слова *господин* растягивается на тысячелетия, судя по историко-этимологическим источникам, поэтому обратимся сначала к другим членам диахронного синонимического ряда, к словам, уже ушедшим в пассивный запас, историзмам, или не сохранившимся вообще в СРЯ, полагая, что они могут быть связаны происхождением с менее отдаленными эпохами. Из историзмов сюда следует отнести слова *помещик*, *барин/боярин*, *князь* и отмеченное В. Далем для русского языка и существующего в других славянских языках слово *дедиц*. Нужно также заметить, что продвигаясь в глубь истории, мы видим смещение центра тяжести в рассматриваемом понятии: не ‘хозяин, владелец’, а ‘хозяин, господин’, что отражает большую поляризацию по признаку власти/собственности.

Так, термин *помещик* как ‘владелец поместья’, вероятно, связано со временем объединения на Руси отдельных княжеств, становления единого государства во главе с государем, жаловавшим за верную службу поместьем (др.-рус. *помѣстие* ‘земельный надел, выданный за службу’ в отличие от вотчины – наследного имения). Следовательно, слово *помещик* имеет внутреннюю форму – *по месту*.

Барин, мн. ч. *баре* – это, видимо, возникшая в обращении стяженная форма от *боярин* [4. Т. I. С. 127]. Барин – это высшее (вначале жалованное, а позже наследованное) звание в Московской Руси, а также лицо, носившее это звание, боярин – крупный землевладелец, представитель высшего феодального общества в Древней Руси в Московском государстве, а также в старину в Болгарии, Румынии. В древнерусском языке это слово представлено в двух вариантах – *бояринъ* и *боляринъ*, мн. ч. *бояре* и *боляре* (обе формы известны с дописьменных времен) [3. Т. I. С. 106]. Происхождение этого слова неясное, существует ряд довольно противоречивых предположений [4. Т. I. С. 203]. Из всех гипотез кажется наиболее вероятной точка зрения Корша, продолженная Маловым: др.-рус. *боярин* (<**боярь*

+ суф. –ин-ъ) восходит к др.-тюрк. (скорее, болгаро-тюркскому) **boi āg* ‘богатый, знатный муж (человек)’, которое, в свою очередь, относится к общетюрк. *boi* ‘богатый’ + *āg* ‘муж, мужчина, богатырь’ (ср. в древнетюркской письменности Южной Сибири и Китая *bai āg* ‘богач’) [3. Т. I. С. 106]. Судя по приведенному выше определению слова *боярин*, исходный ареал распространения его в славянских языках – древнерусский и древнеболгарский, откуда оно перешло в другие южнославянские, румынский и западнославянские языки. Очевидно, что данный случай есть результат тесного взаимодействия славян в южнорусских степях и на территории славянской Болгарии с волжскими булгарами в VI в. н.э. Германское **kuningaz* ‘старейшина рода’ (<*kuni* ‘род, племя’), позже ‘вождь, военачальник’ было воспринято славянами в том же значении – ‘вождь военной дружины’, ‘глава рода, племени’, а также переосмыслена как обозначение сельского старосты, помещика и даже священника (ст.-слав., др.-рус. *кѣнѣзь* ‘князь, государь’, макед. *кнез* ‘князь’, болг. *кнез* ‘старое название выборного сельского старейшины’, с.-хорв. *knêz* ‘князь, сельский староста’, словен. *knêz* ‘граф, князь’, ст.-чеш. *kněz* ‘князь, священник’ (XV в.), чеш. *kněz*, слвц. *kňaz* ‘священник, священнослужитель’, в.-луж. *knjez*, н.-луж. *kněz* ‘господин, помещик, священник’, ст.-польск. *ksiądz* ‘государь, князь, священник’, польск. *ksiądz* (стар.) ‘князь, (католический) священник, ксендз’, рус. князь ‘глава племени, рода, вождь военной дружины’). Направление переосмысления, в свою очередь, показывает значимость новых реалей в жизни славян. Большинство исследователей славяно-германских отношений считает этот славянский термин ранним германским заимствованием, полагая, что из этого же источника и литов. *kunigas* ‘священник’, лтш. *kungs* ‘господин’, фин. ист. *kuningas* ‘король’ [4. Т. II. С. 266; 5. Вып. 13. С. 201]. Несогласные с этой точкой зрения, например, автор этимологического словаря польского языка А. Брюкнер [6. С. 277] и др., предполагают более позднее время заимствования на том основании, что имеются соответствия только в древнесаксонском (*cuning*) и древневерхненемецком (*cuning*), немецком (*König* ‘король’) языках, отсутствует засвидетельствованная текстами готская форма. Однако ареал распространения и характер функционирования, семантическая филиация этого термина в славянских языках позволяет предполагать его усвоение славянскими языками в период тесного взаимодействия в начале периода Великого переселения народов с восточногерманскими племенами, которые начали свое переселение из Скандинавии сначала на побережье Балтики (устье Вислы), а затем (через территории, занятые праславянами) последовали на Дунай и южную часть Днепра (III – IV вв. н.э.). Отсутствие засвидетельствованных форм этого термина в готском языке может быть и следствием неполноты памятников готского языка. Кроме того, вместе с готами передвигались и другие восточногерманские народы, в частности руны, которые, как известно из исторических источников, какой-то период времени проживали рядом с саксами (ср. др.-сакс. *cuning*).

Исследуя историю и происхождение социальных терминов *барин/боярин* и *князь*, можно с достаточной

долей уверенности определить время и причины вос-
требованности иноязычных концептов («другого зер-
кала») для самосознания славян. В условиях взаимо-
действия славян в поздний общеславянский период с
миграционными потоками германцев, главными уча-
стниками Великого переселения народов в Европе
(IV–VII вв. н.э.), ближайшим представителем народа-
завоевателя был военачальник (конунг), и защита за-
вованной области внутри и вовне требовала усиления
его власти (отчего так быстро старейшины рода,
военачальники превратились в обладателей королев-
ской власти). Различия в образе жизни, социальной
структуре в этот период между германцами и славя-
нами и нашло отражение в вариативной семантиче-
ской адаптации *kuning* 'а/князя' на славянской почве.
Образование крупных племенных союзов славян в VI в.,
расселение на Балканах, формирование в этих усло-
виях привилегированной части общества – наследст-
венной родоплеменной знати – все это актуализиро-
вало тот аспект оценки правящей верхушки, который
был уже проявлен в языке пришельцев на славянские
земли – волжских булгар (*bai āt*/бояр-ин).

Это предположение выглядит убедительнее, на наш
взгляд, на фоне собственно славянского обозначения
этого понятия – дедич (**děditjь*), образованного от
**dědъ* 'дед, предок' с патронимическим суффиксом –
itjь (-ич) и широко представленного на славянской тер-
ритории, отразившего оседлый земледельческий ха-
рактер славянского мира, социальные изменения в нем
(др.-рус. *дѣдичь* 'наследник (по деду), наследный вла-
датель', рус. *дѣдич* 'прямой наследник' (Даль), укр.
діди́ч 'помещик, владетель', *ді́дізна* 'имение, наследо-
ванное от предков', блр. *дзедзіч* 'наследник по деду',
польск. *dziedzic* 'наследник, помещик, (земле)владелец',
ст.-чеш. *dědic* 'наследник, владетель, помещик, свобод-
ный земледелец', 'господин, сюзерен', с.-хорв. стар.,
чак. *djedić* 'наследник', 'дворянин', 'землевладелец',
словен. *dědić*, словц. *dedič* 'наследник' [5. Вып. 4. С. 226]).
Имеющие практически общеславянское распространение
рефлексы **děditjь* не имеют соответствий в дру-
гих и.-е. языках, являются славянской инновацией.

Исторически основное языковое выражение 'хозя-
ин, собственник' в русском и славянских языках – *гос-
подин* (*господарь, государь*) – имеет и самую долгую
и непростую историю. Не вызывает сомнения, что от
господарь в форме обращения произошли *государь, осу-
дарь, сударь* и –с как сокращенное почтительное
обращение (да-с, так-с), а *господарь* образовано от со-
бирательного *господа* (**gospoda*) 'хозяйство, господ-
ский дом', которое, в свою очередь, соотносится со
слав. **gospodь*/**gospodinь* в значении 'владыка, хозя-
ин, господин' и 'господь' – наименование бога у хри-
стиан как владыки небесных сил [4. Т. I. С. 446; 5.
Вып. 7. С. 58–63]. Несогласие отечественных и зару-
бежных исследователей вызвало и вызывает решение
вопроса об исконности/заимствованности этого важ-
ного термина культуры (ср. О.Н. Трубачев об этом [5.
Вып. 7. С. 62–63]). Обычно указывают, что это двух-
основное, рано подвергшееся сокращению сложное
слово, восходящее к **gost-podь*, где первая часть со-
относится со словом *гость*, а вторая восходит к и.-е.
**potis*, т.е. 'хозяин, оказывающий гостеприимство чу-

жестранцам'. Как сложное слово оно совпадает только
с лат. *hospes, hospitis* (из **hostipe/otis*) [3. Т. I. С. 209;
4. Т. I. С. 446; 5. Вып. 7. С. 58–60].

Предположение об эксклюзивной славяно-италий-
ской лексической изоглоссе индоевропейского ха-
рактера вызывает сомнения как со стороны формооб-
разования, так и со стороны семантики. Даже если не
учитывать неясного соотношения *t* и *d* в финале, оста-
ется необъяснимым отсутствие в славянских языках
рефлекса **potis* как самостоятельного слова, из чего
следует проблемность образования сложного слова на
славянской почве. Вот и получается, что слав. **gos-
podь* структурно-семантически мотивируется только
словом **gostь*, но единственное подтвержденное в тек-
стах значение слав. **gospodь* – это 'хозяин, господин',
которое никак не пересекается на славянской почве с
понятием, выражаемым словом *гость*. В то время как
лат. *hospes, hospitis* в значениях 'чужестранец', 'гость',
'оказывающий гостеприимство, хозяин' находит «под-
держку», как показал Э. Бенвенист, однокорневых *hos-
tire* (=aequare как 'благодарить, воздать за благодея-
ние'), *hostis*, которое исходно обозначало (в отличие
от *peregrinus*) чужестранца, равного в правах римско-
му гражданину, т.е. для лат. *hospes, hospitis* можно
восстановить мотивированную внутреннюю форму и
лексико-семантические связи, определяемые на уров-
не внутренней реконструкции [7. С. 78 и след.]. С
другой стороны, прав О.Н. Трубачев, подчеркивая, что
слав. **gospodь* не похоже на заимствование из-за на-
личия оригинальной соотносительной с ним грамма-
тической формы – собирательного **gospoda* [5. Вып.
13. С. 62]. Другая странность слав. **gospodь*: как про-
изводящее слово оно мотивирует только *господа* как
'помещичий дом, усадьба' и не объясняет его значе-
ния в западнославянских языках (чеш., словц., в.-луж.
hospoda 'гостиница, постоялый двор, трактир', польск.
gospoda 'корчма, постоялый двор', 'гостиница, вре-
менное пристанище'). Этот сбой в семантической де-
ривации в гнезде славянских производных **gospodь*
при формально древних, исконных характеристиках
словопроизводства и возможность объяснения семан-
тических переходов, связей, исходя из латинского
(италийского) материала, позволяет отнести слав.
**gospodь* и его рефлексы к особой группе славянской
лексики, к лексике, возникшей в результате субстрат-
но/суперстратных отношений («контаминационная»,
гибридная), то есть возникшая в условиях устойчиво-
го двуязычия.

Трансформация семантики в слав. **gospodь* объяс-
няется, очевидно, особенностями социально-экономи-
ческого развития древнеримского и древнеславянско-
го общества. Древние римляне рано приобщились к
международной торговле, став ведущей торговой дер-
жавой Средиземноморья в борьбе с этрусками, карфа-
генянами, греками. Латинское *hostis* и *hospes, hospitis*
соотносится, видимо, с начальным этапом развития
международных экономических отношений, когда чу-
жестранцу нужно было покровительство и определен-
ный статус для своей деятельности в другой стране
(словом *hostis* не называли тех, кто никак не был свя-
зан с римскими гражданами, ср. [7. С. 78]). Этим мож-
но было бы объяснить последующее изменение зна-
чения *hostis* 'чужестранец' → 'враг' (хотя, например,

греч. *xenos* ‘чужестранец’ не приобрело значения ‘враг’, как и слав. **gostь*, герм. **gastiz*). Э. Бенвенист по этому поводу писал: «По причине каких-то изменений, условия которых нам точно не известны, слово *hostis* стало значить ‘враждебный’, и с тех пор оно употребляется только по отношению к врагу [7. С. 79]. Древний институт гостеприимства типа потлача (взаимное отдаривание) был известен, как полагают, и древним грекам (*xénos*), фракийцам [7. С. 79]. История слова гильдия (*gild* *‘плата за взаимность’) позволяет, на наш взгляд, видеть нечто похожее и у германцев, где содружество, основанное первоначально на взаимных обязательствах, а затем объединенное и в культурном отношении, в историческое время переросло в объединение по профессиональному признаку [9. С. 30].

Славянское языковое сознание отразило феномен гостеприимства как ослабленную форму потлача, где гость совсем не обязательно чужестранец, и даже скорее не-чужестранец, а лицо, связанное с хозяином родственными, дружескими, деловыми отношениями, поэтому, когда стали развиваться торговые отношения на Руси, то для обозначения чужеземного купца потребовалась дополнительная маркировка определением – *заморский гость*, и значение ‘враг’ это слово также не получило. К этому можно добавить суждение О.Н. Трубачева о том, что «италийско-германо-славянское новообразование **ghos-t(i)-s* носит формально более регулярный характер и отражает более поздний расцвет ритуала гостеприимства» [7. С. 68]. Но, скорее всего, в силу вышеизложенного следует говорить о ‘вторичности’ этого слова в славянском, и, видимо, германском лингвокультурном пространстве. Усвоенное в результате тесного взаимодействия (при двуязычии) из среды, близкой ей в языковом отношении, это слово, вероятно, вытеснило собственное, исконное, слав. *сѣть* ‘гость’ (ср. по-сет-ить), родственное, как полагают [4. III. С. 338], литов. *svēčias*, *svētis* ‘гость’, греч. *ἐτήρος* ‘товарищ по оружию’, гомер. *ῥῆτης* ‘соплеменник, союзник, друг’.

И еще один факт «прорастания» «чужого» в «свое» следует отметить в славянском ареале. Праславянский диалектизм, известный только в западославянских языках (ст.-чеш. *hran*=*ran*, чеш. *ran* ‘господин, повелитель’, ‘господь’, слов.-польск. *ran*) с исходной формой **gъranъ* – заимствование из иран. **gu-rāna* * ‘защитник, страж скота’ как сложение *gauh* ‘крупнорогатый скот’ и *rāti* ‘охранять, стеречь’ (собственное славянское соответствие первой части содержится в рус. *говядина*, второй компонент – в глаголе *пасту*). Как полагают, это заимствование принадлежит достаточно древней эпохе – эпохе скифских походов в область так называемой лужицкой культуры (примерно V в. до н.э.), в ту ее часть, которая соотносится с территорией Словакии и южной части Польши [5. Вып. 13. С. 198]. Убедительный аргумент в пользу иранского заимствования: славянский достоверно знал только основу **rās* из вариантов и.-е. корня **rā-*, **rau-*, **pas-*, **park-* [5. Вып. 13. С. 198].

Косвенным подтверждением этого предположения может служить истолкование изолированно стоящего социального термина в болгарском языке (и диалектно в сербском) – *stopán(in)* ‘хозяин’ – как заимствования из иран. **asta-rān* – ‘защитник, покровитель

дома’ (ср. авест. *asta* – ‘дом, домашний очаг’, согд. ‘st – **ast* – ‘имущество, состояние’ и вторая часть – *rāna* – ‘охрана; защитник’). Это истолкование предполагает длительное сохранение ираноязычной прослойки среди тюркок-булгар, пришедших через Северное Причерноморье на Балканы [8. С. 37]. Через тюркское же посредство из иранского источника позже пришло в русский слово *чабан* (ср. нов.-перс. *žu-bān* ‘пастух’) [5. С. 198; 8. С. 71–75].

Языковое отражение становления, этапов переосмысления понятия ‘хозяин’ в славянских языках показывает, что самое раннее из ряда слов с этим значением – **gospodь*. Значение его скорее соответствовало лат. *pater familias*, *dominus* ‘господин, хозяин владелец’, ‘повелитель’, ‘государь’ (ср. *dominium* ‘обладание, владение’, ‘власть, господство’, ‘властелин’), чем цельнолексемному совпадению *hospes*, *hospitis* ‘некое лицо, как воплощение гостеприимства’. Исходная «гостевая» семантика отразилась частично в производном *gospoda*. Интересно, что остальные термины (*барин*, *пан*, *владыка* и др.) вроде бы явно и не фиксируют «гостевую» функцию хозяина, тем не менее она как-то «индуцируется» в семантику слова *хозяин*, являющегося поздним заимствованием в русском языке и в языке-источнике не имевшего значения ‘оказывающий гостеприимство’ (ср. *ходжа*).

Для древнего состояния не всегда возможно решить, почему заимствовались именно эти лексемы и какой стала их функция в языке контакта, как это получилось со словом *господь/господин*, и только особенности его функционирования, исконно-неисконный характер его «поведения» дают основание предполагать в данном случае результат субстратно-суперстратных отношений. Для более позднего периода, когда факт заимствования очевиден (ср. князь, барин/боярин, пан), актуальными становятся функциональные проблемы, когда важно понять, какие именно компоненты заимствуются и почему. Если слово *пан* – свидетель доисторического контакта славян с кочевой частью скифского (иранского) мира в эпоху скотоводства, когда высок был престиж собственника как владельца скота (но сравни заимствование того же слова в позднее время, где *чабан* – это ‘пастух’), то *князь*, *барин/боярин* отразили встречи славянского мира с активными миграционными потоками с северо-запада (германцы) и с востока (тюркоязычные народы). Конечно же, неслучайное участие заимствованной лексики в обозначении военно-аристократической верхушки общества свидетельствует о значимости для социальной жизни славян этих встреч. Следствие этого взаимодействия – появление иных причин, путей приобретения власти и богатства по сравнению с существовавшим ранее способом становления собственника через наследование, постепенную аккумуляцию родового имущества (общеслав. **děditь*).

Другая ситуация складывается, когда в славянском (прежде всего – восточнославянском) мире формируется государственность, выделяется социально престижная и состоятельная часть общества (князь, дружинники), с развитием ремесла и торговли появляется прослойка зажиточных людей. Формирование понятия ‘собственник’, ‘господин’ активно продолжается, отражаясь в языке – наряду с прежде существовав-

шими *господин, господарь, князь, пан* – многочисленными вариантами производных от глагола *владеть* (*владыка, властелин, володар, владелец* и др.), *велеть* (*повелитель*). Осмысление собственника на уровне дома, семьи, хозяйства шло через отмеченные в древнерусском лексемы *домовитецъ* ‘лицо из зажиточных граждан, владеющих имуществом, домом’ (XII–XIII вв.), *домовникъ* ‘домохоозяин, глава дома’ (XV–XIII вв.), *домодержецъ/домодержць* ‘домохоозяин’, ‘домовладелец’ (1573 г.), *домовить и домогосподинъ* ‘хозяин дома’, ‘глава семейства’ (XVII в.) [10. С. 310–311]. И поскольку понятие ‘собственник, владелец’ соотносилось с социально разноуровневыми явлениями, было исторически многослойным, а имеющиеся его языковые выражения – особенно те, которые сохраняли внутреннюю форму, – тяготели к какому-то одному

аспекту сложного понятия, то в роли языкового обобщения выступило заимствованное и, следовательно, терминологически однозначное слово *хозяин* с максимально широким значением (~сам!). В результате мы видим виток в ментальном пространстве: для и.-е. *potis*, представленного как вторая часть в *деспот, господь* и т.п., как исходное восстанавливается значение ‘сам, самый’ [7. С. 76], затем начинается конкретизация столь общего понятия (‘Сам’ по отношению к народу, племени, роду и т.п., ср. *деспот, господь* и т.п. в других индоевропейских языках), завершающаяся на новом уровне формированием у слова *хозяин* максимально широкого значения (‘владелец’, ‘господин’, ‘владыка’, ‘тот, кто исполняет долг гостеприимства’) – *хозяин~Сам* (ср. у Плавта *ipsissimus* ‘хозяин’ при *ipse* ‘сам’).

ЛИТЕРАТУРА

1. Топорова В.Н. В какой мере оправдана метафора зеркала при исследовании контактов между разными языковыми и этнокультурными традициями? // Славянские языки в зеркале неславянского окружения. М., 1996. С. 68–74.
2. Дмитриев Н.К. О тюркских элементах русского словаря // Лексикографический сборник. М., 1958. Вып. 3.
3. Черных П.Я. Историко-этимологический словарь современного русского языка. М., 1994. Т.1–2.
4. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка / Пер. с нем. и доп. О.Н. Трубачева. М., 1964–1973. Т.1–4.
5. Этимологический словарь славянских языков. Праoslavянский лексический фонд / Под. ред. О.Н. Трубачева. М., 1974.
6. Brückner A. Słownik etymologiczny języka polskiego. Warszawa, 1957.
7. Бенвенист Э. Словарь индоевропейских социальных терминов: Пер. с фр. / Общ. ред. Ю.С. Степанова. М., 1995.
8. Трубачев О.Н. Из славяно-иранских лексических отношений // Этимология. 1965. М., 1967. С. 3–81.
9. Дронова Л.П. Термины торговли в германской языковой традиции // Романо-германские лингвистические исследования и методика преподавания иностранных языков: Материалы междунар. конф. Ч. 2. Томск, 1997. С. 28–31.
10. Словарь русского языка XI–XVII вв. Вып. 4. М., 1977.

Статья представлена кафедрой общего, славяно-русского языкознания и классической филологии филологического факультета Томского государственного университета, поступила в научную редакцию «Филология» 20 января 2003 г.